

# НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

2019

Выпуск 2 (28)

ISSN 2225-9457

Мнения авторов и редколлегии  
могут не совпадать. Авторы  
несут ответственность за научную  
достоверность материала

Журнал зарегистрирован  
в Федеральной службе по надзору  
за соблюдением законодательства  
в сфере массовых коммуникаций  
и охране культурного наследия.  
Свидетельство ПИ № ФС77-56412  
от 11.12.2013

Информация о журнале регулярно  
размещается в объединенном каталоге  
«Пресса России», подписной индекс  
журнала Е43480.

Сведения о публикуемых статьях  
и их тексты размещаются в базе данных  
Российского индекса научного цитирования.

Адрес редакции:  
191002, Санкт-Петербург,  
ул. Ломоносова, д. 11-13  
Тел./факс (812) 572-25-49  
Web-сайт: <http://spbappo.ru>  
Электронный адрес: [gioupm@mail.ru](mailto:gioupm@mail.ru)

© СПб АППО, 2019  
© Авторы статей, 2019  
Подписано в печать 21.06.2019

Научный рецензируемый журнал  
Издается с марта 2012 года  
Выходит четыре раза в год

Главный редактор  
*Крылова О. Н.*, д-р пед. наук, доцент

Зам. главного редактора  
*Шевелев А. Н.*, д-р пед. наук, доцент

Редакционный совет:  
*Вершиловский С. Г.*, д-р пед. наук, профессор  
*Захлебный А. Н.*, д-р пед. наук, профессор, член-корр. РАО  
*Мамедов Н. М.*, д-р философ. наук, профессор  
*Певзнер М. Н.*, д-р пед. наук, профессор  
*Прикот О. Г.*, д-р пед. наук, профессор  
*Септо Телла*, д-р пед. наук, профессор, Финляндия  
*Синенко В. Я.*, д-р пед. наук, профессор, член-корр. РАО  
*Тарасов С. В.*, д-р пед. наук, профессор  
*Тряпцына А. П.*, д-р пед. наук, профессор, член-корр. РАО  
*Ясвин В. А.*, д-р психол. наук, профессор

Редакционная коллегия:  
*Алексашина И. Ю.*, д-р пед. наук, профессор  
*Алексеев С. В.*, д-р пед. наук, профессор  
*Вершинина Н. А.*, д-р пед. наук, профессор  
*Горшков А. С.*, д-р пед. наук, профессор  
*Даутова О. Б.*, д-р пед. наук, доцент  
*Журавлева О. Н.*, д-р пед. наук, доцент  
*Кривицына Е. А.*, заведующий издательством  
*Матюшкина М. Д.*, д-р пед. наук, доцент  
*Мылова И. Б.*, д-р пед. наук, доцент  
*Шингаев С. М.*, д-р психол. наук, доцент

# СОДЕРЖАНИЕ

---

---

<b>МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРЧЕНКО (БИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ)</b> .....	4
<b>ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ</b>	
<i>Слободчиков В. И., Остапенко А. А., Рыбаков С. Ю.</i> Базовые смыслы национально-ориентированного образования Российской Федерации .....	6
<i>Архимандрит Георгий (Шестун), Захарченко М. В.</i> Вернуться в Россию: миссия и стратегическая цель образования .....	10
<b>НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ</b>	
<i>Остапенко А. А.</i> Антропологический идеал как основа стратегической цели российского образования ...	13
<i>Захарченко М. В.</i> Покидая юдоль смерти .....	18
<i>Гусакова В. О.</i> Концепция проектирования учебных изданий по православной культуре: из опыта работы с М. В. Захарченко .....	25
<b>ОТ СЕМЕЙНОГО К ПОСТДИПЛОМНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА</b>	
<i>Еремينا Н. В.</i> Этнокультурные традиции семейного воспитания и антропологическая педагогика .....	29
<i>Тимченко С. Г.</i> Опыт проектирования модели профессиональной готовности педагога к реализации задач духовно-нравственного воспитания .....	34
<b>ВОСПИТАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА</b>	
<i>Голованова Н. Ф.</i> Идея ответственности как важнейший концепт педагогической теории А. С. Макаренко .....	38
<i>Берсенева Т. А.</i> Актуальность проблемы уклада жизни глазами современников .....	41
<i>Думчева А. Г.</i> Духовно-нравственное воспитание в условиях локального педагогического сообщества ...	46
<b>ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ</b>	
<i>Илакавичус М. Р.</i> Потенциал самоорганизующихся сообществ неформального образования в развитии системы современного непрерывного образования .....	52
<i>Ковшов Р. В.</i> Детское движение русского зарубежья – преемник традиций русского дореволюционного детского движения .....	55
<b>ИЗ ИСТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ И ВОЗЗРЕНИЙ</b>	
<i>Белова Н. И.</i> Рефлексия как педагогический инструмент: взгляд философа (комментарий к статье М. В. Захарченко «Рефлексия в педагогике») .....	60
<i>Шевелев А. Н.</i> М. В. Захарченко как историк педагогики и образования .....	70
<b>ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ</b> .....	76
<b>ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ</b> .....	77
<b>АННОТАЦИИ</b> .....	91
<b>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</b> .....	96

# МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРЧЕНКО

---

(17 ОКТЯБРЯ 1959, ВЛАДИВОСТОК – 31 ЯНВАРЯ 2019, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Марина Владимировна Захарченко родилась в 1959 году во Владивостоке в семье военнослужащего. Переехав в Ленинград, училась в 45 физико-математическом интернате. В 1976 году поступила на физический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. После окончания третьего курса резко поменяла направление выбранного жизненного пути и перевелась на философский факультет того же университета по специальности «История философии». В 1984 году М. В. Захарченко окончила ЛГУ им. А. А. Жданова по специальности «Преподаватель философии». В 1985–1986 годах работала в Комитете комсомола Горного института. В 1987 году вновь поступила в Ленинградский государственный университет, но уже на очное отделение целевой аспирантуры по специальности «История философии». В 1992 году защитила диссертацию «Становление идеи практического разума в метафизике XVII века. Джон Локк и традиция естественного закона» на ученую степень кандидата философских наук.

В 1992–1995 годах Марина Владимировна работала в сфере образования: заведующей лаборатории «Национальная школа» НОП «Независимый методологический университет» (г. Москва), заведующей начального отделения Академической гимназии СПбГУ, заместителем директора по науке средней школы № 54 Петроградского района Санкт-Петербурга. С сентября 1995 года работала в Санкт-Петербургском государственном университете педагогического мастерства (ныне – Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования) сначала в должности доцента кафедры истории педагогики, затем, после защиты диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, в должности профессора. Защита диссертации по теме «Типологическая интерпретация понятия традиции» состоялась в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена в 2002 году

(решение ВАК о присуждении степени доктора философских наук – 2003 год). В 2007–2009 годах М. В. Захарченко являлась заведующей кафедрой истории педагогики СПб АППО, но в связи с реорганизацией и закрытием кафедры с марта 2009 году была переведена на кафедру социально-педагогического образования на должность профессора, где и работала до последних дней своей жизни.

Марина Владимировна – автор более 150 научных исследований и статей, в том числе пяти монографий, учебников для средней и высшей школы, учебных и учебно-методических пособий, программ подготовки и переподготовки специалистов в сфере образования. Под ее руководством были защищены пять кандидатских диссертаций, более 20 магистратских.

Марина Владимировна Захарченко принимала участие в разработке социально значимых государственных проектов, таких как «Системный кризис отечественного образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления» (авт. коллектив: В. И. Слободчиков, И. В. Королькова, А. А. Остапенко, М. В. Захарченко, Е. В. Шестун, С. Ю. Рыбаков, Д. А. Моисеев, С. Н. Коротких, Москва, Российский институт стратегических исследований, 2016). Она являлась руководителем научного блока Национальной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения» (2004–2010 года), участвовала в разработке проекта «Национальной доктрины образования Российской Федерации» (2018 год).

Стержневыми направлениями научных исследований М. В. Захарченко были:

- путь к традиции: опыт теоретического осмысления понятия традиции; духовная традиция в истории и культуре;
- история философии и педагогики;
- аксиологические основы образования;
- антропоцивилизационный подход в образовании;

- методология формирования образовательной области «Духовно-нравственная культура народов России»;
- формирование духовных типов личности: исторический и логический аспекты;
- андрагогика и педагогика в контексте деятельностного подхода в философском и педагогическом измерении;
- педагогический потенциал православного монастыря.

М. В. Захарченко много времени и сил отдавала подготовке кадров высшей квалификации. Она консультировала докторантов, руководила написанием кандидатских и магистратских диссертаций, выпускных квалификационных работ слушателей Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербургской духовной академии, Московской духовной академии, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Самарской православной духовной семинарии. Ею были разработаны программы для подготовки аспирантов академии постдипломного педагогического образования («История мировой педагогической культуры», «Аксиологические основы образования»), для студентов Санкт-Петербургской духовной академии по направлению подготовки «Теология» («Педагогика», «Методика преподавания профессиональных дисциплин»).

Для системы повышения квалификации педагогов ученым были разработаны авторские образовательные курсы и модули «Цивилизационный подход в образовании», «Технологическая культура современного педагога», «Духовно-нравственная культура как содержание образования в контексте ФГОС», «Методология проектирования программ духовно-нравственного воспитания в контексте ФГОС», «Основы религиозных культур: теория и методика», «Основы православной культуры: теория и методика», «Методы преподавания религиозно-познавательных дисциплин в контексте ФГОС», «Вопросы профилактики религиозного экстремизма».

Марина Владимировна Захарченко в 2002 году была награждена знаком Губернатора Санкт-Петербурга «За гуманизацию в образовании», в 2011 году – знаком СПб АППО «Звезда Даринского». Ученый получила и высокие церковные награды: Орден Святой равноапостольной Ольги, медаль Святого апостола Петра «За труды во Славу Святой Церкви», Знак священномученика Серафима Чичагова «За особые заслуги на ниве религиозного образования».

Марина Владимировна Захарченко ушла из этой жизни как монахиня Александра. Начиная с 2000-х годов, она по несколько раз в год



*Марина Владимировна Захарченко*

приезжала в Свято-Ильинский Заволжский женский монастырь в селе Подгоры Самарской епархии. О личности, жизненном пути и последних годах жизни монахини Александры (Захарченко) рассказал ее духовный отец и многолетний соратник доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, настоятель Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня, член Союза журналистов России архимандрит Георгий (Шестун): «У нее была активная жизнь. Она была очень известным педагогом, доктором наук, профессором. Летом 2017 года она приняла монашеский постриг, к которому готовилась на протяжении 14 лет, будучи послушницей Свято-Ильинского Заволжского женского монастыря. Господь продляет ей годы жизни. Будучи монахиней Александрой, она осуществила свою мечту – жила в обители и преподавала в Самарской духовной семинарии. Мы очень скорбим, что монахиня Александра покинула нас, но и радуемся, что появилась еще одна насельница в Небесной Обители. Она погребена рядом с сестрами в Свято-Ильинском Заволжском женском монастыре.

Монахиня Александра (Захарченко) была замечательным человеком сильной воли, которая мужественно сносила свои скорби, но при этом радовала всех своими новыми мыслями и новыми статьями. Она вдохновляла своих учеников на новые свершения в области педагогики и философии. Это был интереснейший человек, оптимист, мудрец и настоящая монахиня».

УДК 37.017.92

*М. В. Захарченко*

## ПОКИДАЯ ЮДОЛЬ СМЕРТИ

Предложение обсудить антропологический идеал отечественного образования как нельзя более своевременно. Действительно, в основании педагогики лежит образ человека, и в статье А. А. Остапенко [1] заявлено много хороших и важных идей.

Идеал, заложенный в цель отечественного образования – «вращивание самостоятельного (самостоящего) здорового человека, стремящегося к духовному, нравственному, умственному и физическому совершенству», гораздо привлекательнее, чем «высоконравственный, творческий и компетентный гражданин России» из Федерального государственного образовательного стандарта. Однако в формулировке А. А. Остапенко мне не хватило второй части идеала, сформулированной в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»: «принимая судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях российского народа» [2].

Обсуждая с А. А. Остапенко полную формулировку антропологического идеала, я предложила ему дополнить его текст указанной формулой концепции. Вторым моим возражением было указание на непропорциональное, с моей точки зрения, фрагментирование цитаты А. С. Пушкина. Согласившись по существу, А. А. Остапенко, тем не менее, предложил вынести нашу полемику в публичное пространство: опубликовать свою статью в исходной версии, а мне написать статью с моей аргументацией. Такова предыстория этого текста.

В этой статье я хочу ответить на два вопроса.

Первый. Почему формула А. А. Остапенко представляется мне недостаточной без этого дополнения, которое свидетельствует о двух очень важных качествах этого самостоятельного человека, стремящегося к совершенству – о его укорененности в общем прошлом и готовности отвечать за общее будущее своего народа?

Второй. Почему я связываю недооценку укорененности человека в судьбе отечества с характером фрагментирования пушкинских строф в приведенной цитате?

На мой взгляд, точка несогласия – это не точка, а существенный парадигмальный пласт. Он помещается в плоскости пересечения различных

парадигм восприятия времени, или, точнее, «мышления во времени» всемирного исторического процесса и его главного действующего лица – человека. Поэтому развернуть аргументацию систематически невозможно в одной статье, как бы она ни была обширна. В силу неподъемности задачи систематической аргументации я ограничусь некоторыми репликами, указывающими хотя бы направление будущей дискуссии.

Вопрос об укорененности в традиции – это вопрос об организации жизни и мышления, и прежде всего по трем взаимосвязанным вопросам: о соборной природе человека, о восприятии исторического времени и о призвании человека к вечной жизни.

Читая статью, я в недоумении остановилась на цитате из А. С. Пушкина, приведенной в таком контексте: «Слово „самостоятельный (самостоящий)“ позволяет реализовывать и гуманистическое стремление к самостоятельности и православно основанное „от века по воле Бога самого самостоянье человека – залог величия его“»<sup>1</sup>.

Обрыв цитаты заставил помучиться. Ведь полностью стихотворение звучит так:

Два чувства дивно близки нам.  
В них обретает сердце пищу:  
Любовь к родному пепелищу,  
Любовь к отеческим гробам.  
На них основано от века,  
По воле Бога Самогó,  
Самостоянье человека,  
Залог величия его.  
Животворящая святыня!  
Земля была б без них мертва.  
Как... пустыня,  
И как алтарь без божества.

Для меня в нем звучит переживание связи времен, осмысливаемой мною как содержательная нравственная идея русского самосознания.

Обрыв текста в цитировании, на мой взгляд, искажает смысл пушкинского произведения. Я никак не могла увидеть в нем утверждения о том, что по воле Бога самого залог величия человека заключается в его самостоянии (самостоятельности). Я всегда читала в этом произведении другую

<sup>1</sup> Здесь и далее текст А. А. Остапенко цитируется по: [1].



мысль, парадоксальную, как все у Пушкина, которая вела меня на протяжении десятилетий в лабиринтах русского самосознания, искусно огибающего капканы, расставленные западным рационализмом с его хитросплетениями – русскому патриотизму с нашей простой и цельной любовью к отечеству. Мысль о том, что самостояние человека основано на этой удивительной и непостижимой любви к «праху» – к пепелищу и гробам. Что самостояние имеет основание. Что человек стоит не «сам», пусть и по воле Бога, но стоит на этой любви, которая питает его сердце. Что наше самостояние нам не принадлежит. Не принадлежит нам, но является именно самостоянием, образуя залог нашего величия. Разве это не парадокс?

Ум волновало всегда и это таинственное умолчание – пепелище чего? Фразы «родное пепелище» и «отеческие гробы», очевидно, разворачивают римскую формулу верности отечеству: «верность алтарям и очагам». Очаг, когда не горит, – это ведь пепелище. А отеческие гробы в доме римского патриция помещались в пределах принадлежащей ему земли, недалеко от дома с очагом, и рядом с ними располагался алтарь ларам, предкам рода. Алтари и очаги – это именно святыня. Залог величия человека – в любви к святыне. Святыня животворит, без нее пуста душа, мир пуст и мертв алтарь, лишенный истинного Бога. Так я читаю это стихотворение, и его центром, живым нервом, является именно этот парадокс «несамобытной самобытности» человека. Осваивая парадокс, ум осмысляет животворящую его святыню.

Парадокс – от *παρά* «возле, рядом» + *δόξα* «мнение, представление», «вопреки общепринятому». В рамках моего образования общепринятым был уже западный рационализм, гуманизм, пусть в классовой интерпретации марксизма, но на философском факультете доступны были и его первоисточники, согласно которым самостоятельность человека есть его главное достояние, а главная угроза самостоятельности – зависимость от прошлого, от исторического наследия, с которым необходимо разбираться очень решительно. С русским прошлым в советское время разбирались весьма решительно, и живое восприятие русских просторов, русских деревень в дни моей молодости, часть из которых я провела в этнографических и архитектурно-археологических экспедициях, диктовало восприятие пушкинской цитаты отнюдь не в римском контексте родовых святынь. Отечественные гробы – это забытые кладбища не только на отдаленных просторах России, но и в самом центре Петербурга (Смоленское кладбище тогда было совсем запущенным, с заброшенной часовней блаж. Ксении), заросшие травой могилы, покосившиеся кресты. Родное пепелище – это

разрушенные храмы и монастыри, брошенные деревни, оползающие пустые пятистенные дома, когда-то вмещавшие в себя полную и радостную жизнь многопоколенных и многодетных русских семей, таких как семья моих прабабушек. Жизнь, о которой гнали учебники истории – «темное, беспроектное существование нищих людей». «Как вы жили, бабушка?» – спрашивала я своих родных, спрашивала респондентов в этнографических экспедициях. «Как жили? Весело жили. Работали... Пели...», – отвечали они и потом пели русские песни, купаясь в их мелодичном разливе. Ликовала и трепетала душа.

Я впитывала в себя и эту разруху, и эту радость, и чувствовала все сильнее нарастающую боль в душе, переживая еще один парадокс русского самосознания. Эта боль питала мое сердце. Что это? Тот самый «русский мазохизм», «фатальное наследие православия с его культом страдания», который никак не дает нам «войти в благополучную семью европейских народов» (цитирую какого-то борзого либерального автора)? Или это та самая тайна русского духа, из-за которой Россию «умом не понять» и «аршином общим не измерить»?

Сегодня, когда мне удалось восполнить мое образование знанием русской духовной традиции и жизнью в ней, я могу сказать, что это было. Это оживала душа, наполняемая образами отечества. Потерявшие сознание и замерзшие не испытывают боли. Боль возникает, когда отходит анестезия, когда возвращается сознание.

Мертвая душа не отзовется болью на созерцание родных пепелищ, в ней возникнет только одно желание – закатать это безобразие в асфальт или построить на нем гипермаркет. Душа, болью пробуждаемая к жизни, будет возвращаться к ним, угадывая в знаках, оставленных прошлым, образ наследия, переданного предками для того, чтобы мы строили по этому образу наше будущее.

Наследием, которое мы приняли на пороге нового тысячелетия, оказалась не обустроенная столетиями благоустроенной жизни комфортная среда обитания, а животворящая святыня – облик «сокровенного сердца человека» «в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1Петр.3:4). Именно он оказался образом духовного совершенства, хранимым в русском предании. Очень ярко этот парадоксальный облик передается в действии святого Герасима Иорданского. Святой Герасим сумел подойти к дикому льву, обезумевшему от боли, и вынуть из его загноившейся лапы застарелую занозу, причинявшую эту боль. Представляя себя рядом с таким львом, постигаю всю глубину формулы «кроткий и молчаливый дух». Дух, недоступный

для страха, потому что он исполнен милосердия и сострадания.

Доблести и предания отеческие, о которых засвидетельствовали гробы и пепелища, называются еще добродетелями – целомудрием, нестяжанием, мужеством, кротостью, милосердием, состраданием, любовью. Это наши традиционные ценности. Об их действенности и жизненности свидетельствует наша культура, ее традиции. Залог величия человека – самостояние в добродетелях, унаследованных в любви к отеческому преданию... Вот как я в конце концов прочитала стихи А.С. Пушкина... Следовать отеческому преданию без любви не получается. Так высок горизонт совершенства, им очерчиваемый, так велика сила завета, отсекающая похоти человеческой природы. В любви к ним мы получаем их помощь и точку опоры нашего самостояния в добродетели.

Русская весть о смысле и милосердии органически связана с христианским благовестием о спасении и преображении человека. Оно совершается не во времени индивидуальной жизни человека, но во времени мировой истории, которая мыслится как Священная история. Наши традиционные ценности имеют своим истоком духовную жизнь человека, принявшего весть о Богосыновстве и Богочеловечестве. Человека, который «чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века». Антропологический идеал русской цивилизации – человек становящийся. Стремление к высшему совершенству как стояние в правде определяет жизнь человека в полном соответствии с греческим словом *ἄνωρος* – «устремленный вверх, прямо стоящий, становящийся по образу и подобию Божию». А.А. Остапенко справедливо связывает образ совершенства с христианским образом Богочеловека. Вызывает только сомнения легкость, с которой он уравнивает значение предельно конкретного, засвидетельствованного полнотой отеческого предания образа Богочеловека и «абстрактного советского образа совершенной „всесторонне развитой гармоничной личности“». Последний именно абстрактен. Какие живые личности стоят за ним? Настолько разные и противоречивые, что образ этот становится по меньшей мере двусмысленным.

Справедливо утверждение Андрея Александровича, что сегодня российская школа утратила антропологический идеал вообще, даже абстрактный. Это произошло с неизбежностью, постольку поскольку она декларировала в качестве ориентира цель «вхождения в глобальную цивилизацию». Проект же глобальной цивилизации декларирует отказ от образа как такового. «Новая культура» манифестирует «открытость будущему», эволюционный прорыв человека за пределы исторически удостоверенных традициями образов человечности

в дерзкой трансгуманистической перспективе. В современной философии, однако, достаточно четко описан антропологический шифр глобального проекта. Это «человек потребляющий» (Ж. Бодрийяр). Антропологическим шифром я называю неличностный тип антропологической перспективы. Глобализм декларирует открытость человеческого бытия, пластичность, многоликость, изменяемость человеческого обличия. Человеку предписано облекаться в самые разные личины, свободно конструировать свои «имиджи». Глобализм как идеология изымает из человека образ совершенства как внутренний принцип самоорганизации и замыкает его в круг потребностей, продуцируемых системой общественного производства. Глобальное образование, продуцирующее «человека потребляющего», почему-то присвоило себе название современного, то есть единственно отвечающего духу времени, в котором мы сейчас живем. Глобалисты говорят, что быть современным, идти в ногу со временем – значит воспитывать вкус к потреблению, быть грамотным потребителем. Так и министр образования (к счастью, бывший) сказал, что наша задача – «Взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других», то есть современного человека.

Между тем русское слово «современность» обращает нас к смысловой интуиции времени. Современный мир – это мир, у которого какие-то особые отношения со временем. На английском языке *modern world* происходит от латинского слова *modernus* (от *modo* – «недавно, только что»). На латыни нет смысловой переключки со словом «время». Палитру восприятия слова всегда дополняют смыслы сходных по звучанию слов: *modus* – мера, предел, граница, образ, способ. По смыслу это мера, способ жизни, появившийся «только что», недавно.

Идея модерна родилась в XVII веке в огне потрясений, которые в наших учебниках по истории описываются как «ранние буржуазные революции». Учебники концентрируют внимание на политических и экономических преобразованиях, на технической революции. В англоязычной же научной литературе большое внимание уделяется смене антропологического образа. Можно сказать, что это была европейская антропологическая революция – возникал новый человек. Идея нового человека была ясно декларирована, и большое значение в его появлении отводилось новому образованию. Им стал рациональный человек, разум которого ставился на службу его земному преуспеянию. Христианство не отвергалось, но должно было стать «умеренно-благоразумным», таким, которое не мешает земным радостям и достижениям,

но дополняет их еще и обещанием индивидуально-го бессмертия. Само понятие «благоразумия» меняло смысл: не «разум, устремленный ко благу», а «разум, устанавливающий меру благам». В науке этот процесс называется «секуляризацией», когда достояние церкви отнимается в пользу светской власти, светского общества. Можно говорить о секуляризации разума человеческого. В церковной традиции говорят об апостасии – Богоотступничестве. Мир модерна – это апостасийный мир.

Главный водораздел новизны проходил именно по линии установок в отношении к традиции, к Священному Преданию христианства. Новый человек не должен доверять традиции. Все, полученное по традиции, необходимо проверять посредством правильно воспитанного разума, – такова основная установка модерна. Эта установка критического мышления полностью меняет отношение человека к такой способности нашей души, как вера. Веру начинают трактовать как недостоверное знание. Принятое на веру – значит не проверенное критическим мышлением. Для христианина же вера – это особая способность души, которая позволяет воспринимать Божественное Откровение. В основе Священного Предания – не открытия человеческого разума, а Откровение Бога, и внимающий ему «сокровенный сердца человек».

«Сокровенный сердца человек», воспитанный во Вселенской Церкви, по замыслу авторов модернизации, должен исчезнуть и уступить место новому человеку, ориентированному на земной успех, рациональному и умеренно-благоразумному. *Modern world* решительно утверждает себя как мир, способный пересоздать человека и утвердить совершенно новые условия его существования. В идеологии глобализма современный мир (*modern world*) – это новый мир. Это мир, свободный от «пут истории», от «ига традиций» и «оков религии», мир, порывающий с прошлым и открытый будущему.

Однако идея новизны не нова в истории. *Moderni* – так называли в римской империи христиан. Возможно, именно они наполнили смысловое пространство *moderni* переживанием беспрецедентной новизны совершившегося «только что». Христиане в том мире стали новыми людьми. Христианство вообще – это новое слово о человеке. Это всегда новое. Господь говорит: «Се творю все новое» (Откр.21:5). Христианский завет – это Новый завет. Человек, последовавший за Христом – это новый человек.

И вот эти новые люди (в римской империи их называли *moderni*) были другими. Они жили иначе. Это другой образ жизни. Но не просто другой – в нем, удивительно притягательном, многие узнавали что-то давно утраченное, но родное

и естественное. Как будто закон жизни христиан был написан в сердце у каждого человека и эти новые люди учили читать его и превращать в основание жизни. Известна история с великомучеником и целителем Пантелеимоном. Как он стал христианином? Был добрый знатный римский юноша, учился на врача. Он увидел старика, и тот поразил его своими поступками, речью, манерой общения. Присмотрелся к образу жизни и был поражен еще больше: «Кто ты такой, что так живешь?» «Я христианин». «Научи меня своей вере, я тоже хочу так жить». И святой Пантелеимон последовал за новыми людьми, стал одним из них.

Достоинство христиан отвечало ценностям римской доблести, унаследованной от отцов (*patri*), составившей славу Отечества (*patria*), но утратившей силу определять реальную жизнь римлян. Доблести и предания отеческие превращались в мечту о прошлом, но утратили власть над будущим. Будущее римского мира оказалось во власти стихийных сил, стало игрищем мощных человеческих страстей. Христиане-*moderni* как будто запускали время в немыслимую петлю: то, что было прошлым – доблести и предания отеческие – становилось властно зовущим будущим, обновленным, но узнаваемым и родным. Новые люди возвращали силу и власть отеческих доблестей их потомкам. В римском мире христианство совершало то же, для чего родился святой Иоанн Предтеча: детям возвращались сердца отцов, непокорные обретали образ мысли праведников.

Об этом захватывающем преображении древнего мира христианством хорошо сказал А. С. Пушкин: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство» [3, с. 459]. В сей священной стихии исчез и преобразился мир.

В современном (*modern*) мире можно различить два модуса (*modus*) бытия: мир модерна и мир настоящего. Мир модерна оккупирует настоящее, пытается сузить его горизонт. Модерн разрывает связь времен, сворачивая настоящее в точку «здесь и теперь» (*modo*). Прошлое отсекается, информационное пространство превращает его в мифы, анекдоты, авантюрные романы или идеологические стереотипы, полезные здесь и теперь. Будущее перемещается в виртуальный мир, для расцветивания которого используются две палитры: розово-золотая палитра мечты о «дивном новом мире» и черно-красная палитра мировой катастрофы.

Но настоящее – это не точка разрыва полноты времен, это Вселенная, в которой прошлое преобразуется в будущее. Как это происходит? Сначала настоящее становится прошлым. Люди, живущие в настоящем, всегда уходят в прошлое. Покидая



историческое время, они входят в вечность, и там историческое прошлое смыкается с будущим, к которому стремимся и мы, направляемые образом совершенства, открывающимся нам в доблестях и преданиях отеческих. **Тот, кто остался в прошлом, оказывается в нашем будущем, ожидая нас в вечности.** Там, в будущем, нас встречает история нашего народа, все те, к кому мы с любовью обращались, вглядываясь в прошлое. Настоящее соединяет в себе прошлое и будущее. Живите настоящим – значит живите во времени перед лицом вечности.

Мир настоящего – это настоящий мир. Доверяя родному, мудрому и могучему (могущему открывать смыслы) русскому языку, услышим правильно: подлинный, истинный мир. Мир, каков он есть. Настоящее время – это время полноты времен, в нем свернуто прошлое и будущее. А. С. Пушкин очень хорошо назвал христианство переворотом. Переворот – это событие, которое не может уйти в прошлое. Это подлинное событие. Оно продолжается как настоящее, современное всякому времени. В этом событии истоки русской веры в вечную непобедимую преображающую силу добра и конечное торжество справедливости.

Антропологическая модель глобального проекта – это «современный человек». Антропологический идеал отечественной цивилизации – это **настоящий человек**. Духовный смысл отечественной цивилизации – утверждение в непрерывности поколений облика «настоящего человека».

Есть два восприятия истории. Глобалистом история воспринимается только как прошлое. Действовавшие в прошлом люди умерли, их нет, важны только земные плоды их деятельности, которые достались ему как наследство. Тогда и будущее воспринимается как поле своевольной деятельности. Доставшийся капитал дает возможности для самоутверждения и самореализации.

Если ты историю воспринимаешь как живую ткань, сотканную из деяний людей, каждый из которых ушел в вечность с духовными плодами своей жизни, оставив на земле потомкам ее земные плоды, то и наследие ты воспринимаешь как завещанное. Ты имеешь на него право только в той мере, в какой сумел исполнить повеленное теми, кто его тебе оставил.

Твоя собственная деятельность определяется заветом времен. Прошлое и будущее связаны воедино. **Те, кто ушел, они оставили тебе наследство и ждут тебя в будущей жизни.** Здесь разница: ты живешь в истории или только пользуешься ее плодами, не умея их преумножать. Так и дети, они живут тем, что доставляют родители. Не будет родителей, они останутся ни с чем. Ты взрослый тогда, когда живешь исторической жизнью

твоего народа, умеешь преумножать богатство его культуры.

Мир модерна – это не весь современный мир, это его часть, которая оккупировала настоящее и стремится вытеснить его. Идея новизны стала главной в революционных преобразованиях общества, которые потекли непрерывной чередой. Сегодня антропологическая революция уже совершается относительно самого модерна. Нового названия не придумали. Назвали просто «постмодерн». Но по сути мы имеем единый процесс пересоздания Вселенной, сжатия ее в пределах глобуса. Происходит оккупация истории, и это стало особенно заметным в постмодерне. Модерн учил видеть в истории прогрессивное развитие, а себя – венцом этого развития. Постмодерн смотрит на историю как на свою собственность и заявляет свое абсолютное право свободно пересоздавать – «интерпретировать» – ее под свои задачи

Сегодня общие контуры «глобального проекта» очевидны – информационное пространство переполнено аналитикой и его замысла, и его результатов. Тайное стало явным, скрытое – открытым. В этом смысле мы живем в эпоху Апокалипсиса. Ведь с греческого слово ἀποκάλυψις переводится как «откровение, снятие покрывала». Полагаю, что в осмыслении содержания и итогов советского периода отечественной истории необходимо учитывать фактор глобального проекта с его антропологическим шифром.

Оценивая итоги советского периода, воспроизведу позицию архимандрита Георгия (Шестуна), заявленную в серии его бесед на различных площадках. Революция совершилась под знаком потребительских стремлений народа – хотим потреблять так же, как элиты. На этой волне был выдвинут идеал нового человека, весь круг интересов которого ограничен земной жизнью. В облике советского человека причудливо переплелись черты потребителя и черты русского человека, воспитанного на идеалах христианства. Жертвенность, героизм, желание служить благу людей и всего человечества – это все черты нравственного облика христианина. Но вирус апостасийной идеологии рано или поздно разрушает нравственные устои личности. Если человек смертен, если нет вечной жизни, то обязательно рано или поздно возникнет общество потребления. Потому что человек, зная, что все ограничено временем его земной жизни, будет стремиться все успеть, все попробовать, достичь успеха в земной жизни любой ценой, любыми средствами. К системе образования он будет обращаться только с одним запросом – обеспечить эту успешность любыми средствами.

Россия в 1917 году вырвалась на 100 лет вперед и полностью преобразовала свою идеологию

на началах порыва в земной рай. Когда сегодня пытаются взять за основу советский идеал, забывают, что это новый апостасийный (безбожный) человек, который не имеет перспективы вечной жизни, и он рано или поздно превращается в человека-потребителя. Откуда все беды перестройки? Почему советский человек совершил это безумие разрушения? Потому что он внутренне уже был человеком-потребителем. Он хотел потреблять. Но не имел возможности. Образ человека-потребителя уже завладел им. И он захотел построить свою жизнь на основании образа общества потребления. Поэтому именно советские люди, выпускники советских школ, живущие вот этой только земной жизнью, в постсоветский период разрушали все хорошее в нашем отечестве для того, чтобы создать общество потребления, и к настоящему времени они достигли больших «успехов». Поэтому мы видим, что сегодня для многих родным домом стала Европа, а в России уже все направлено на то, чтобы формировать человека потребляющего. И на это переориентировали все: систему, мировоззрение, основания жизни человека. Не произошло никакого возвращения к историческим основаниям жизни России, состоялось просто перереформирование человека, хотящего потреблять, в человека потребляющего.

Наша страна 30 лет постсоветской эпохи движется одновременно в двух разных модусах современности: включается в процессы апостасийной глобальной цивилизации и одновременно стремится сохранить свой суверенитет.

Но вопрос о суверенитете в глобальном мире не так прост, он требует изменения самой конструкции системы координат в осмыслении соотношения индивидуальной и общественной природы человека. Патриотически ориентированная часть общества совершенно справедливо обеспокоена тем, чтобы создать в медийном пространстве позитивный образ Отечества, пытается найти точки опоры в нашем прошлом, на которых можно строить наш **цивилизационный суверенитет**, то есть не только суверенитет государства, но и суверенитет духовных перспектив жизни людей, культуруобразующих ценностных ориентиров, которые этим государством поддерживаются и защищаются.

Какие эпохи нашей истории берутся за образец? Эпохи успешного государственного строительства. Вот советская эпоха – мы были сверхдержавой, вторым полюсом биполярной структуры, на которой тогда держался мир. Вот имперская Россия. Екатерина Великая говорила: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выстрелить не смеет!» Эпоха Московского царства. В учебниках

ее величие до сих пор принижается, школьники не в состоянии оценить мощи ее государственности, глубины ее культуры. Но вот дневниковые записи одного из бойцов войска Стефана Батория, осаждавшего Псков: «Какой большой город! Он больше чем Париж!». И это об одном из не самых больших городов Руси того времени. Какое же впечатление производила Москва? А вот оценка Макария, патриарха Антиохийского, посетившего Московское царство в XVII веке: он оценивает государство как «великое» и говорит, что это величие – награда за благочестие народа.

Вернуться в Россию – это ориентир для нас, для культуры, образования. Именно так называется замечательная книга Л. П. Решетникова [4]. И он говорит в ней не о земном величии. Он в ней говорит о верности даже до смерти. О тех людях, которые оставались верны заповеди блаженства, о которой говорит первый псалом Давида: «Не иди на совет нечестивых, не стоять на пути грешников, не восседать на седалищи губителей» (Пс.1:1). Он пишет о скорбных страницах нашей истории, но скорбь эта обращается в радость, потому что они устояли, и память о них жива, и, ушедшие в прошлое, они ждут нас в нашем будущем, если мы, как и они, станем верны заветам отцов.

Нам необходимо возвращаться не к какой-то определенной эпохе земного величия русской государственности, но возвращаться в Священную Историю. Русская история совершалась всегда как часть Священной Истории. Московский современный исследователь А. Н. Ужанков прекрасно показал в своих работах, что собой представляют русские летописи до XV века. Это книги, которые писались на Страшный Суд. Их писали монахи, писали о деяниях русских князей: история описывалась как деяния людей, каждый из которых предстанет перед Богом. Историческое сознание русского человека было укоренено в Священной Истории.

В послепетровскую эпоху это сознание начали круто изменять. Историю повернули к земной успешности. Она стала историей строительства великого государства. А для верующего человека великое государство – это не его успех, это Божия награда за верность, это плоды древа, насажденного у источника вод. Забота его о том, чтобы не уходить от источника, и тогда древо принесет плод во время свое. Образ этого дерева тоже из первого псалма Давида (Пс.1:3). Такова библейская концепция власти. Так русский человек всегда жил. Всякий русский человек нес свой крест. Крестьянину – прилежно землю пахать, хлеб сеять и собирать, священнику – службу Божию совершать непорочно, князю – землю оборонять, народ защищать,

царю – и государство строить и оборонять, о народе заботиться. И каждому – правду Божию соблюдать. Надо вернуться не к какому-то конкретному историческому образцу: имперской ли России, царской России московской, или еще какой-то. А нужно вернуться просто в Священную историю. И тогда мы получим, как плоды, все лучшее из возможного. Конечно, хотелось бы взять все лучшее из прошлых эпох, а все плохое от них не брать. Но на земле всегда бывают и будут какие-то скорби. И что-то плохое все равно будет.

Святейший Патриарх совершенно справедливо говорит о том, что пора перестать противопоставлять друг другу эпохи нашей истории. В каждой из них есть то золото, которое можно взять с собой в будущее. Это исключительно верно просто потому, что перед нами единая история нашего многонационального народа России, скрепленного державным служением русского народа. Народа, который больше, чем нация, потому что он живет не только в земной истории, но в Священной истории Вселенной. Наши павшие с нами в едином строю. И это так и есть. Прошлые поколения всегда с нами, и поэтому мы – самый многочисленный народ в мире.

Человек потребляющий – это антропологический тупик. Вырваться из него, стремясь к совершенству поодиночке, не получится. Русский

антропологический идеал – это не индивидуальный, но соборный человек.

Русских как народа нет, пока «каждый выживает в одиночку». Только переплетение личного и общего питает и возвращает силу русскому народу, потому что поодиночке русские не выживают, не живут. В языке народа-победителя нет формы глагола «победить» первого лица будущего времени в единственном числе. Нельзя сказать по-русски «Я победу». Есть только форма «Мы победим». Структура языка отражает глубинные структуры самосознания: превозмочь беду, то есть победить, возможно только вместе с братьями. «Брат наш есть наша жизнь» [5], – говорит преп. Силуан, русский крестьянин и афонский монах XX века.

Модель глобальной цивилизации находится в глубоком кризисе. Под ногами «современного человека» горит его глобус, в плоскости которого он пытался замкнуть человеческий дух, вырывая его из живой связи времен и отлучая от любви к ближнему.

Чтобы воспитать себя по образу настоящего человека, нам пора выходить во Вселенную. Даже не выходить, а взлетать. Как в старом советском фильме «Экипаж». Землетрясение в горах, все горит вокруг, взлетная полоса начинает рушиться – и из огненного смерча взлетает самолет, **покидая юдоль смерти.**

### Список литературы

1. *Остапенко А. А.* Взрастим человека, стремящегося к совершенству. Эскиз антропологического идеала будущей России // Исследования гуманитарных систем. Вып. 5. В поисках антропологического идеала / научн. ред. и сост. А. А. Остапенко. М.: Народное образование, 2017. С. 7–18.
2. *Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 26 с.
3. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Современник, 1982. Т. 6. 702 с.
4. *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь, или Тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013. 232 с.
5. *Софроний (Сахаров), архим.* Старец Силуан. Эссекс: Монастырь Св. Иоанна Крестителя, 1990. 223 с.

---

---

# НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

**2019**

В ы п у с к 2 ( 2 8 )

Перевод аннотаций *Е. Е. Гузова*  
Редактор *Ю. А. Корневская*  
Дизайн обложки *Ю. А. Корневская*

---

Подписано в печать 21.06.2019. Формат бумаги 60x84/8. Печать офсетная. Бумага офсетная.  
Объем печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ №

---